

«Необходимо активнее вести пропаганду научно-материалистических взглядов среди населения, уделять больше внимания атеистическому воспитанию — особенно в постановлении ЦК КПСС (1983 г.) Плехуму ЦК КПСС «Активные вопросы идеологической, массово-политической работы партии». Шире вовлечь верующих в общественную жизнь, настойчиво внедрять советскую образность». О том, как эффективнее вести атеистическое воспитание молодежи, сегодня рассказывает известный ученый-философ.

СОБЕСЕДНИК

ЦЕНА БЕСПРИЦИПНОСТИ

В ПРОШЛОМ я был верующим. Родился в религиозной семье: оба деда были православными священниками. В детстве меня приучали молиться, водили в храм, с шести лет я прислушивался к дедам в церкви, много читал религиозной литературы. В школе я буржуазной Латвии изучал «заповедь Божию». Все это привело к тому, что я решил посвятить себя служению богу и церкви. После окончания средней школы я закончил православную Московскую духовную семинарию в Загорске, а вслед за ней и духовную академию, получив степень кандидата богословия. Пять с половиной лет служил священником.

Постепенно мое мировоззрение менялось: я стал сомневаться в религиозных догматах и решил порвать с религией.

После ухода из церкви закончил философский факультет Московского университета, аспирантуру, защитил диссертацию. Вот уже больше десяти лет занимаюсь преподавательской деятельностью. После моего разрыва с религией и прочитав множество лекций по атеизму в разных уголках нашей страны, встретился с самыми разными людьми. Все это я говорю для того, чтобы читатель понял, что могу судить как о религии, так и об отношении молодежи к религии.

Каково же это отношение? Бьсть среди молодежи убежденные и воинствующие атеисты, есть, к сожалению, и верующие. Первых, конечно, больше, чем вторых. Однако тех и других вместе не столь уж много. Гораздо больше таких, чье состояние можно

характеризовать как примитивное отношение к религии и всему, что с нею связано. Тревожно оно по двум причинам. Во-первых, потому, что на подобных позициях стоит достаточно большое количество молодежи. Разговаривая с юношами и девушками, часто можно услышать: «Я в бога не верю. Но ничего плохого в религии тоже не вижу. И потому не понимаю, почему вы выступаете против нее».

Они не только не понимают необходимости атеистической пропаганды, но и считают вполне нормальным окрестить ребенка в церкви, повенчаться там, праздновать религиозные праздники, носить крестик. И даже пребывая в комсомолье подчас считают вполне совместимым с собой «двойную» религию, которую они отдают ей или считают возможным отделить.

Во-вторых, тревожно это еще и потому, что у подобного рода молодых людей путаница, мешанина в голове. Они как следуют не знают ни науки, ни религии, не задумываются над мировоззренческими проблемами, о многом судят понаслышке, не имеют четкой, ими самими выработанной позиции. Возьмем хотя бы не прошедшую школу «моду» носить крестик. Когда разговариваешь с «крестноносцами», то оказываешь, что многие из них просто не имеют о том, что крест — это символ христианства, ношение креста — знак принадлежности к религии. И не задумываются над тем, что означают одновременно два символа — комсомольского знака и креста — явлено,

Такая «позиция» более опасна, чем прямая религиозность. Почему? Допустим, человек искренне убежден в существовании бога, в правоте религии. Он лучше или хуже знаком с религиозными верованиями. Размышляя над ним, знакомясь с наукой, с марксистско-ленинской философией, с атеизмом, он рано или поздно должен прийти к выводу, что бога не существует, что религия — заблуждение. Так было со мной и с другими ранее искренне верующими людьми и священнослужителями. Мирозагляение человека меняется, меняются его убеждения. Процесс этот неперестой. Но, чтобы взгляды изменились, надо, чтобы они были!

Выступать на страницах «Комсомолки» меня побуждало желание опубликовать в ней статьи. В первой из них шла речь об атеистах-идеалистах, которые поют в церквях хорах. Верующими они не являются. Убежденными и воинствующими атеистами — также, потому что атеист не за какие деньги, ни за какие блага не поступился бы своими убеждениями и не стал бы лезть в церковь. Являясь, они находятся между первыми и вторыми — примерчески относятся к церкви. Мне скажут: «Почему — примерчески? Они же получают за это деньги. И, быть может, в душе даже поменяются над содержанием молитвы...»

Может, и поменяются. А может, и нет. Но в любом случае не могут не понимать, что работают на религию: ведь не при они получают за это деньги, и немалые. Конечно, — я знаю это по своему опыту — духовенство стремится, чтобы певчие были религиозными людьми. По уменьшаются количество верующих, уменьшается средн

и число тех, у кого имеются необходимые вокальные данные для пения в хоре. У нас нет безработицы. В случае необходимости артисты могут «нодробовать» в учреждениях культуры. С пользой для искусства, для людей, а не во вред им. Но церковь их привлекает тем, что здесь «заработки» более высокие и удобные. Выходит — деньги не пахнут... Что это, как не полнейшая беспринципность? А беспринципность тем и опасна, что может проявиться в области не только религиозной.

Она тесно связана с бездействием, с отсутствием каких бы то ни было твердых убеждений. Это особенно ярко заметно в тех трех случаях, которые послужили поводом для статьи «Никакие». Автор одного из них — Марина — пишет, что она окрестилась, но верующей не стала. Зачем тогда она приняла крещение? Как бывший верующий и бывший священник, я не могу понять ее поступка. Более того, осуждая ее даже в позиции религии. Согласно религии, крещение — это акт принятия человека в члены церкви. Невнущая, понятно, членом церкви быть не может. Выходит, ее поступок — обмен церкви, обмен верующих, обмен после крещения вправе считать ее «своей», обмен бога, если бы он существовал. Еще более непонятен и предоступительен поступок с моих теперешних позиций убежденного атеиста. Зачем именуящему стремиться стать членом церкви, изображать на себя верующего?

Предложу, что сказала бы мне Марина, если бы нам пришлось беседовать с ней на эту тему. Скорее всего сказала бы, что она не знала смысла данного обряда и не задумывалась над ним. А надо бы задуматься.

«Другая «позиция» у Аллы. Она пишет, что является верующей, ходит в храм, исповедуется и причащается. Но верит тайно, ибо не хочет идти «против всех». И при этом она — комсомолка... Верить в бога или не верить — право каждого человека, закреплено Конституцией. И не будь Алла комсомолкой, о ее религиозности можно было бы лишь пожалеть. Это ее беда, а не вина. Но она кривит душой и перед своими единомышленниками по религиозной вере, и перед своими товарищами по комсомолу. И тех, и других она молчаливо обманывает. Так с кем же она?»

Наконец, письмо Лены Г. Она «верующая комсомолка». Как странно это звучит! По ее словам, в классе многие девочки верят, пусть не в бога, но в сверхъестественную силу. Со своей ответственностью могу сказать, что никакой сверхъестественной силы между боготом и сверхъестественной силой, как бы ее ни представлять, нет. Значит, девочки верят в модернизированный «боженьку». А учатся они в классе с физико-математическим уклоном. Неужели усвоенное изучение естественных наук никогда не является для них мыслью, что научные данные противостоят религиозным представлениям, опровергают их? Одно из двух: либо верующие девочки заучивают свои предмысли без понимания их смысла, либо в уроках говорят одно, а думают другое.

А речь ведь идет не о младенцах, а о людях, которые уже могут и должны отвечать за свои поступки, понимать их смысл, выработать твердые убеждения и следовать им.

Н

О

Н

О

О

О

О

Н

Н

Н

Н

Н

Разве не бывает так, что комсомолки или комсомолки выносятся в церкви и открыто раскаиваются об этом своим товарищам? Везде ли это встретит должный отпор? Боюсь, что не везде. Кое-кто скажет: ну и что ж, подумайте, когда я порекомендовал им усилить атеистическое воспитание, одна учительница заявила!

— Но ведь оно привлекает внимание детей к религии. Они заинтересуются ею... А так они ничего о ней не знают, и хорошо.

Это плохо, что не знают. На знания и следует строить атеистическую пропаганду, на интересе к проблеме. Но, однако, показать ложность и вред религии, выработать соответствующее отношение к ней.

Вот картина с натуры. Как-то пригласили меня выступить с лекцией в одной школе. Дело было на пасхальной неделе. Прихожу и глазом своим не верю: то ли в школе, то ли в церкви — какой овраг! На полу, на партах является шлеуха от кришских пасхальных яиц. Значит, школьники, комсомолки красят пасхальные яйца, приносит их в школу, и никакого из этого дела нет.

Но ведь пасхальные яйца — религиозная атрибутика. Разве это не повод для серьезного разговора о религии и об отношении к ней? Мне скажут: это еще не религиозности: это еще не религиозность. Пусть так, но это начало формирования термина отношения к религии. Если можно на пасху красить яйца, если можно «снять» куличи, если можно вообще праздновать пасху, то почему нельзя обвенчаться в церкви? Где грань в данной области между тем, что можно, а что уже нельзя?

А. ЧЕРТКОВ, кандидат философских наук, доцент кафедры марксистско-ленинской философии Рижского политехнического института.